

Мясницкий Иван Ильич

Смешная публика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Смешная публика / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 351 с.

ISBN 978-5-519-98464-5

ISBN 978-5-519-98464-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Я на ваше глупое остроуміе плевать хотѣла! Если вы, говорю, порядочный отецъ, то должны ежечасно заботиться о судьбѣ вашихъ дѣтей, а не читать глупыя газеты... поняли?

— Положительно ничего! По вашимъ словамъ выходитъ, что судьба моихъ дѣтей зависитъ отъ газетъ... ничего не понимаю, пришли переводчика!..

— Александръ Петровичъ! Я пришла къ вамъ не дурацкими шутками забавляться, а говорить серьезно!—гнѣвно крикнула супруга, вырывая изъ рукъ Перемычкина газету.

— Тьфу! —приподнялся тотъ съ дивана, запахивая полы халата: — ну, о чемъ я съ тобой буду серьезно говорить? Всѣ твои серьезы сводятся обыкновенно къ тому, чтобы сдернуть съ меня контрибуцію... Я и плачу ее безъ всякихъ разговоровъ... на столъ ты отъ меня получаешь каждое утро аккуратно... на тряпки тоже... дрова куплены вчера, уголья сегодня... Ну, и оставь ты меня ради-Христа въ покоѣ!..—отрѣзалъ супругъ и потянулси за газетою.

— Во-первыхъ, на ваши несчастные пятьдесятъ рублей я накупила дѣтямъ на цѣлое лѣто платьевъ! ударила та супруга по рукѣ и отшвырнула газету въ уголъ: — во-вторыхъ, съ вами разговариваетъ не дѣвчонка,

а жена и мать вашихъ дѣтей: Любочки, Вѣрочки, Надички, и Петички...

— Варичку пропустила!—поправиль супругъ, передвигая очки на носу.

— О Варичкѣ заботиться нечего, она замужемъ...

— Согласенъ, не станемъ заботиться. Дальше-съ!..

— А дальше, ежели вы не бросите этотъ дурацкій тонъ, то я вамъ послѣдніе ваши волосы выдеру!.. Господи, и вотъ съ какимъ чудовищемъ я прожила двадцать пять лѣтъ?..

— Его Господня воля!—смиренно сложилъ супругъ руки и возвелъ очи къ потолку.

— Слушайте, Александръ Петровичъ! Намѣрены вы меня выслушать серьезно или нѣтъ? спросила супруга, дрожа отъ негодованія и простирая руки къ мужу.

— И серьезно могу. Въ чемъ дѣло, сударыня?

— А вотъ въ чемъ, сударь. Нужно рѣшить дачный вопросъ, и сегодня-же, сейчасъ-же!.. Рѣшить и отправиться снимать дачу!.. Видите, какая погода стоитъ, всѣ лучшія дачи расхватываютъ.

— Такъ ты, матушка, намѣрена дачу нанять?

— Мнѣ, кажется, и вы также...

— Я? Я совсѣмъ не намѣренъ...

— А я, милостивый государь, говорю, что дача должна быть нанята...

— Мало ли, что говорите! Вы, вонъ, вчера сказали, что наша Любочка при словѣ „мужчина“ краснѣетъ! Это телка - то въ двадцать лѣтъ?.. Анахронизмъ, матушка!..

— Во-первыхъ — ей не двадцать, а шестнадцать...

— Въ 80 году было... согласенъ...

— Во-вторыхъ, я на вашъ цинизмъ не обращаю никакого вниманія, а въ-третьихъ — я еще разъ вамъ повторяю: да - ча должна быть на-ня-та!..

— Но мнѣ кажется, что нужно сперва справиться съ карманомъ мужа, чтобы позволить себѣ эту роскошь...

— Дача не роскошь, сударь, а необходимость...

— Никакой необходимости я не вижу... при нашей квартирѣ есть садикъ...

— Гдѣ сосѣднія куры назначаютъ randevу пѣтухамъ! Грань мерси! Господи!.. Считаетъ себя умнымъ человѣкомъ, газеты читаетъ, а совсѣмъ круглый дуракъ!.. Слышите, дуракъ, милостивый государь, даромъ что надворный совѣтникъ!.. У него взрослые дочери и вдругъ — садикъ при квартирѣ.

— Опять за дочерей ухватилась!.. Не даютъ онѣ тебѣ, матушка, покоя, я вижу.

— Да, не даютъ! Потому что я порядочная мать, милостивый государь! А вы не отецъ! Слышите? Не отецъ, а...

— Дядя?

— А газетный колпакъ! Понимаете? колпа-акъ!

— Все-таки изъ этого я не вижу почему именно нужно нанимать дачу...

— А потому, во-первыхъ, что насъ считаютъ за достаточныхъ людей, а во-вторыхъ, потому, что на дачѣ дочери скорѣе поймають жениховъ...

— Да, вѣдь, Варичка же въ городѣ поймала!

— Такого дурака, какъ Варичкинъ мужъ, и ловить было нечего, самъ дался: „берите, говорить, и вяжите!“...

— Господи! Ужели въ Москвѣ только и дураковъ, что Варичкинъ мужъ!—изумился Перемычкинъ.

— Ну, найди мнѣ ихъ! Найди!—взвизгивала мадамъ Перемычкина: — мнѣ тогда и дачу твою не нужно!

— Гдѣ же я ихъ сейчасъ возьму! Публикаціями вызывать, что ли?

— Въ такомъ случаѣ замажь себѣ ротъ!.. Что скажутъ Перетычкины, Перекличкины, Заковычкины, ежели мы не найдемъ дачу? Это разъ. Во-вторыхъ, на дачѣ гораздо скорѣе можно составить себѣ партію, по-

тому что молодежь всегда вмѣстѣ; и танцуетъ, и гуляетъ, и спектакли устраиваетъ... оять же дачный воздухъ къ взаимности чувствъ располагаетъ... Вонъ, Чумичкина составила же себѣ партію, теперь въ коляскахъ разъѣзжаетъ.. а гдѣ она мужа подцѣпила? На дачѣ!..

— Никогда наши дуры, матушка, не составляютъ себѣ партіи... Сколько лѣтъ по дачамъ-то прыгаемъ, а въ результатѣ — до сихъ поръ на отцовской шеѣ... жениховъ много, а толку отъ нихъ, какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока...

— А все отъ вашей скупости, милостивый государь! Дождетесь вы того, что онѣ вѣкъ въ дѣвкахъ останутся! У Наденьки, вонъ, и то ужъ цвѣтъ лица сталъ мѣняться и синева пошла...

— Да я, что ли, ей синяки-то подставилъ? Тьфу!

— Разумѣется, вы! Еслибъ заботились объ дѣтяхъ, какъ всякій порядочный отецъ, такъ онѣ давно бы были пристроены! А то Вѣрочкѣ двадцать три года, лѣзетъ вся врозь, совсѣмъ замоскворѣцкой купчихой становится, ей и замужъ-то давно пора прошла, а она все должна изъ себя шестнадцатилѣтнюю дѣвочку корчить... придется ей черезъ веревочку прыгать, а она задыхается.

— Еще бы! сидятъ индюшками въ клѣткѣ и жирѣютъ .. гоняла бы ихъ на кордѣ, живо бы жиръ-то спустили! Да кто же виноватъ, матушка, если ваши дочки не умѣютъ женихамъ понравиться? Кто? Я васъ спрашиваю?

— Врете вы, онѣ всѣмъ нравятся!.. Слава Богу, мои дочери такъ воспитаны...

— А въ дѣвкахъ до двадцати трехъ лѣтъ сидятъ!.. Чугунова два лѣта ловили—шишъ поймали!—уязвилъ жену Перемычкинъ.

— И поймали бы, еслибъ не эта шкура Куроцапова подвернулась! И здѣсь вы же виноваты...

— Опять я?

— Вы. Чѣмъ бы противъ Куроцаповой интригу пустить, а вы, съ большого ума, стали де Чугунову нахваливать; „и скромная-то, и воспитанная-то, держать себя въ обществѣ умѣетъ“, а тотъ болванъ и уши развѣсилъ... Удивляюсь я, какъ это вы съ такимъ куринымъ умомъ до надворнаго дослужились.

— Да что-жъ мнѣ ее разбойницей выставить нужно было, когда она во всѣхъ отношеніяхъ лучше вашихъ воспитанныхъ дочекъ?

— Порядочный отецъ, сударь, который имѣетъ взрослыхъ дочерей, никогда чужихъ дѣвушекъ хвалить не будетъ! Его первая

обязанность всюду и вездѣ качества своихъ дочерей совать, а объ чужихъ всегда относиться такъ, чтобъ всѣ говорили: „хороши барышни, но все же имъ далеко до Перемычкиныхъ!“ Поняли?

— А чортъ вашу бабью политику пойметъ! махнулъ сокрушительно Перемычкинъ, притиснутый аргументами жены;—ты такъ бы мнѣ, матушка, и говорила, что, вотъ, это надо бѣлить, а вотъ это чернить, а то не скажетъ, и послѣ на меня же набрасывается ..

— Оттого, что вы вахлакъ и колпакъ, а не отецъ! Доктора черезъ кого упустили? Всю зиму всѣ нарочно хворали, только чтобъ чаще ѣздилъ...

— Такъ-бы, вотъ, вы его и женили! Ему, матушка, для обстановки деньги нужны...

— Женили бы, будьте покойны. А то только началъ было въ серъезъ за Надичкой ухаживать, ручки ей жать, разные грустные слова насчетъ одиночества — видимое дѣло пискаремъ на приманку шелъ—и вдругъ вы съ своимъ дурацкимъ разговоромъ...

— Да за что же я хорошаго человѣка обманывать стану? Можетъ, онъ думалъ, что за Наденькой-то двадцать пять тысячъ...

— И пускай бы его думалъ! Стоило только женить, а тамъ—„жди! помремъ, все ва-

ше!“ Варичкинъ мужъ то же самое думалъ, а вѣдь ждетъ...

— Ничего и не дождется!

— Не ваше дѣло. Не вы съ носомъ останетесь, а онъ,—такъ нечего вамъ и заботиться. Варичка пристроена, благодарите Бога и старайтесь пристроить другихъ... Заковычкины переѣзжаютъ въ Останкино... слышите?

— Да по мнѣ хоть въ Кунцево, мнѣ все равно!..

— А мнѣ, сударь, не все равно... Молодой Заковычкинъ, видимо, расположенъ къ Вѣрочкѣ...

— У тебя всѣ расположены! Какъ переѣдемъ на дачу: тотъ расположенъ, другой расположенъ, третій расположенъ; станешь съѣзжать — всѣхъ словно вѣтромъ сдуетъ! Никого! Ходятъ, бродятъ, ѣдятъ, пьютъ, ручки жмутъ, объ лунѣ мечтаютъ; какъ дѣло къ осени—фью! всѣ словно мыши отъ кошки подъ полъ!.. Никакой мышеловкой не заманишь!..

— Я ужъ довольно наслушалась вашихъ глупостей!..

— Ты, матушка, очень умна! Такъ воспитала своихъ дочекъ, что никакому барану ихъ на шею не навяжешь!.. Вчера вдругъ слышу возню! Смотрю—въ жмурки жмурятся! И по столамъ, и по стульямъ, и по ди-

ванамъ! А Вѣрка такъ козломъ и ходитъ! А? Дѣвка возъ свезетъ—и вдругъ въ жмурки!.. Тьфу!..

— Господи! нельзя ужъ дѣтямъ и поиграть!..

— Хороши дѣти! У такихъ дѣтей давно бы пора дѣтямъ быть!.. Чѣмъ онѣ у тебя занимаются съ утра до ночи? Съ кухаркой въ кухнѣ ругаются, романы читаютъ, да въ окна на прохожихъ мужчинъ глазѣютъ, а на себѣ прорѣхи зашить не умѣютъ... Нѣтъ, матушка, съ такимъ воспитаніемъ чорта съ рогами, и того не женишь!..

— Вы все сказали или намѣрены продолжать?

— Не намѣренъ-съ!..

— Пожалуйте денегъ на дачу!

— Да откуда я тебѣ ихъ возьму? Посуди сама!

— Это не мое дѣло! Вы служите, имѣете кромѣ того частныя занятія... можете взять ссуду, наконецъ...

— Я и такъ къ Святой взялъ! Вамъ же все на тряпки пошло!..

— Во-первыхъ, не на тряпки, а на приличные костюмы вашимъ дѣтямъ... Скажите, пожалуйста, кто жъ объ нихъ долженъ заботиться, какъ не отецъ?..

— То-то вотъ, матушка, ты все на дѣтяхъ выѣзжаешь, а сама пуще ихъ франтишь...

Бабѣ сорокъ слишкомъ лѣтъ, а туда же, вровень съ дѣвчонками, платья съ разными тамъ турнюрами шьетъ...

— Вы въ этомъ ни уха, ни рыла не понимаете,—и разсуждать не можете! Вы привыкли цѣлый вѣкъ въ халатѣ лежать, а я отрепаной ходить не намѣрена...

— Да кто васъ заставляетъ растрепой ходить? Можно одѣваться и просто, и прилично! А то вѣдь чортъ знаетъ на что похоже: дочерямъ по двадцати лѣтъ, и вдругъ сзади ихъ мамаша съ моднымъ курдюкомъ на манеръ овцы!.. Пора бы ужъ бросить молодиться-то! Всю жизнь кокетство разводила, пора подъ старость и перестать!

— Ахъ, какъ вы нахально врите! Съ кѣмъ же это я кокетничала, позвольте васъ спросить?

— Съ кѣмъ? Поминанья, вотъ, у меня подъ рукой нѣтъ, а наизусть не могу—собьюсь!..

— Дрянъ вы послѣ этого, а не мужъ!.. Другой бы надворный совѣтникъ постыдился такія слова женѣ говорить...

— Сама на то навела. И дача, если вправду, не дочерямъ нужна, а тебѣ...

— Что-о-о? Да на кой она мнѣ шутъ, милостивый гоеударь?

— Для чего? А вотъ все для того же: надѣтъ курдюкъ, намазать разной дрянью рожу